

Евгения Лекаревич

ДОМАШНИЕ ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ¹

В статье рассматривается репрезентация бытового труда женских и мужских персонажей в детской литературе XX–XXI вв. Исследование выполнено на основе Корпуса русской прозы для детей и юношества (ДетКорпус). В советской и постсоветской детской литературе так же, как и в литературе для взрослых, у авторов-мужчин значительно преобладают персонажи мужского пола, в то время как для авторов-женщин более характерно эгалитарное распределение персонажей. Анализ глаголов, обозначающих бытовую труд и употребленных в форме прошедшего времени, показывает, что женские персонажи чаще изображаются за определенными видами бытовой работы авторами обоего пола. Таким образом, писательницы чаще изображают женщин, занятых бытовым трудом, поскольку в целом больше изображают женщин. В детской литературе прослеживается богатая традиция символического включения в бытовую труд героев-мужчин. В статье отмечен круг романтических и приключенческих топосов, в рамках которых изображаются мужчины и мальчики, занятые обустройством быта.

Ключевые слова: гендер, домашний труд, бытовой труд, реализм, приключенческая литература, корпусные исследования, количественный анализ

В рамках этой работы я анализирую, как в советской и постсоветской детской литературе репрезентируются труд в «приватной сфере», под которой понимается в первую очередь бытовое обслуживание. Концепция «разделения сфер» (*separate spheres*) на приватную и публичную уходит корнями в XIX в. и сегодня

Евгения Валерьевна Лекаревич

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Санкт-Петербург

e.lekarevich@gmail.com

перерастает в дебаты о границах публичного и частного. Как отмечает Л. Репина: «Метафора разделенных сфер... стала — наряду с культом домашнего очага и „кодексом чистоты“ — своеобразной ортодоксией общественного сознания» [Репина 2000]. Частная сфера оказывается «„деприватизирована“ системой социальных гарантий» [Барсукова 1999], а также такими государственными интервенциями как коммунизация заботы или коллективизация частных хозяйств. Ассоциативная дихотомия «мужское (публичное) / женское (приватное)» критикуется в т. ч. в историко-литературном и антропологическом ключе [Vickery 1993; Rotman 2006]. Тем не менее, домашний труд и труд по заботе могут всё еще считаться «женским делом» в зоне частного.

Концепт «домашнего труда» подлежит уточнению, под ним может пониматься, во-первых, определенный набор бытовых умений и компетенций, во-вторых, труд, который осуществляется в границах дома, и, в-третьих, «рыночная ориентация» труда (производство для собственного, домашнего потребления) [Whittle 2019, 39]. Виттл также указывает на следующий казус: «внерыночная работа женщин часто называется „домашним трудом“, но мужская некоммерческая работа не называется домашней никогда», исследовательница называет концепцию домашнего труда «имплицитно гендерированным определением» [Whittle 2019, 43]. В рамках своего исследования я предлагаю называть труд по устройству быта — бытовым, а не домашним трудом. Под «бытовым трудом» я понимаю низкостатусную работу по организации и обустройству быта, которая ассоциирована с женской сферой (уборка, готовка, и т. д.), но не обязательно подразумевает домашний топос. Такой подход связан со спецификой литературных произведений, действие которых может происходить в пустыне или Заполярье, на войне, в пионерском лагере или детском интернате и т. д. В современных исследованиях заботы дихотомия «частного/публичного» уступает место модели, в которой количество вовлеченных акторов умножается (среди них и государство); в рамках одного из подходов забота может восприниматься как опыт, «обусловленный женскими гендерными ролями», одновременно отмечается, что в постсоветском пространстве «практики заботы остаются ядром женской субъективности» [Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2019, 6; 16].

Советская детская литература представляет особый интерес для исследования репрезентаций бытового труда, поскольку идеологический заказ, который она выполняла, подразумевал воплощение черт современной прогрессивной повестки: интернацио-

нализм/антифашизм, женское равноправие и детская агентность. Современные исследования мировой детской литературы часто концентрируются на социальном неравенстве и недостаточной репрезентации, например, чернокожих персонажей [Tripp 2020], или женских персонажей в интерсекциональной перспективе [Vickery, Rodríguez 2020]. Авторы многочисленных работ сходятся в том, что женских персонажей в целом меньше и они менее престижно репрезентированы. Эмпирические исследования взрослой литературы указывают, что гендерное неравенство в репрезентации персонажей связано с полом автора: в произведениях мужчин-писателей меньше женских персонажей [Underwood, Vamman 2016]. Замечено, что писатели стремятся изобразить больше мужских персонажей в качестве протагонистов, а писательницы демонстрируют более равномерное распределение персонажей [Casey, Novick, Lourenco 2020]. Недавнее исследование корпуса произведений-лауреатов детских литературных премий демонстрирует, что в этих текстах чрезмерно представлены (*overrepresented*) мужские персонажи [Adukia et al. 2021].

Широко известно исследование Д. Белявски и П. Крэбб, где авторы на основе метода кодирования канонических книжек-картинок делают вывод о том, что женские персонажи чаще, чем мужские, изображаются во взаимодействии с предметами домашнего обихода [Crabb, Bielawski 1994], а в одной из современных работ показано, что женские персонажи чаще присутствуют на иллюстрациях, чем имеют существенный объем реплик в тексте [Adukia 2021, 32]. Исследование «не-сексистской» (*non-sexist*) детской литературы обнаруживает, что эгалитарный дискурс этих текстов подразумевает изображение женщин, обладающих «мужскими» качествами (маскулинных женщин), но не изображение мужских персонажей, близких к женским гендерным ролям (под которыми понимается проявление участия и заботы, эмоциональности, а также домашний труд и т. д.) [Diekman, Murnen 2004]. Труд в рамках «приватной сферы» может быть стигматизирован, как не соответствующий представлениям о нормативной маскулинности в ситуации, когда сконструированные гендерные различия идеализируются и используются для трудовой сегрегации.

Цель моего исследования — оценить, насколько часто в советской и постсоветской детской литературе мужские и женские персонажи изображаются занятыми бытовым трудом, и вычленив некоторые характерные черты подобных контекстов в зависимости от гендера персонажа. При этом не противопоставляют-

ся персонажи-взрослые и дети (произведение детской литературы может и вовсе не изображать детей), персонажи-животные исключены из рассмотрения. В рамках своего исследования я не ставлю задачи разграничения семейной и институционализированной заботы, обращая внимания лишь на гендер акторов, выполняющих бытовую работу в различных хронотопах 1920–2020-х гг.

Исследование проведено с использованием Корпуса русской прозы для детей и юношества [Маслинский, Лекаревич, Алейник 2021]. При поиске исключены тексты с жанровой меткой «сказка» и «анималистика», всего поиск осуществлялся по 1863 текстам, из них 1228 за мужским авторством, 635 написаны женщинами (включая соавторов)². В настоящий момент в корпусе отсутствует разметка персонажей и их гендера. Поэтому чтобы найти контексты, где персонаж занят бытовым трудом, оценить их частотность и одновременно определить пол персонажа, я использую косвенный признак — глагольные формы прошедшего времени.

Для поиска описаний бытового труда был составлен лексический список, включающий в себя глаголы, обозначающие процесс приготовления пищи (готовить/приготовить, варить/сварить, печь/испечь, кормить/накормить, угощать/угостить); а также глаголы, относящиеся к уборке (убирать/убрать, чистить/почистить, стирать/постирать, подметать/подмести, мыть/помыть). При проверке контекстов запросы, нерелевантные тематике, были отсортированы и исключены (напр., «убрать руки в карман», «стирать пот со лба» и мн. др.). Простой подсчет отобранных вручную контекстов (всего 4560 контекстов), показывает, что в корпусе детской литературы советского и постсоветского периода количество женских персонажей, изображенных за бытовым трудом (что выражено соответствующими глагольными формами — 2760 контекстов), превосходит количество мужских (1800 контекстов). Несмотря на риторику «освобождения женщин от домашнего труда»³, женщины оказываются под двойной производственно-бытовой нагрузкой; так что и объем репрезентации кажется вполне ожидаемым.

Сопоставление женских и мужских персонажей внутри корпуса в целом может казаться не вполне справедливой процедурой — поскольку размеры подкорпусов различны: произведений мужчин-авторов в корпусе больше всего, несколько меньше авторов-женщин и относительно невелико число соавторских текстов, что, разумеется, сказывается на абсолютных значениях (Табл. 1). Однако и при предварительном сравнении в рамках *одной* категории, первым делом обращает на себя внимание разница между объе-

Таблица 1. Количество контекстов изображения бытового труда для мужских и женских персонажей в зависимости от пола автора

	Женские персонажи	Мужские персонажи
Мужчина-автор	1431	1346
Женщина-автор	1213	417
Разнополые соавторы	116	37

мом репрезентаций женских и мужских персонажей у женщин. В то время как для авторов-мужчин результат кажется вполне равномерным. Абсолютное число изображений бытового труда, выраженного заданными глагольными формами, на первый взгляд не особо различается.

Для того чтобы сравнить выборки с различным количеством текстов (мужских текстов больше, чем женских), они были приведены к общему относительному значению (количество вхождений на миллион), для каждой группы были подсчитаны доверительные интервалы (Рис. 1).

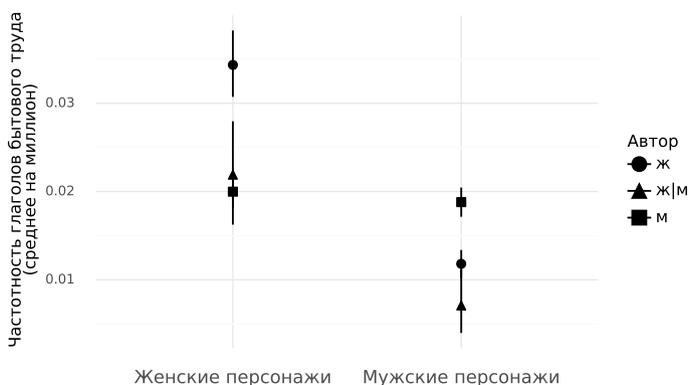

Рис. 1. Оценка соотношения количества репрезентаций бытового труда у мужских и женских персонажей с полом авторов произведений

На графике отчетливо видно, что женщины-прозаики чаще изображают за домашним трудом женских персонажей и реже — мужских. У писателей-мужчин, напротив, мужские и женские персонажи заняты домашним трудом одинаково часто. О репрезента-

ции домашнего труда в произведениях, созданных в соавторстве, трудно сказать что-то столь же определенное, поскольку подкорпус соавторских произведений относительно невелик. Мужские персонажи в этих текстах заняты домашним трудом так же редко, как в текстах авторов-женщин, а женские — не чаще, чем в произведениях авторов-мужчин. Впрочем, разница здесь может быть случайной, поскольку доверительные интервалы пересекаются. Однако прежде чем делать выводы по этим данным, следует учесть, есть ли между писателями и писательницами существенные различия в том, насколько часто они используют глаголы, относящиеся к действиям персонажей разного пола.

Оценить объем текстового пространства, уделенного персонажам обоего пола, можно, подсчитав все глаголы прошедшего времени и проследив их распределение по грамматическому роду и полу автора. Эти сведения помогают представить, каково соотношение мужских и женских персонажей во всех текстах корпуса. При подсчете нужно учитывать, что часть глаголов соотносится не с персонажами, а с подлежащими, выраженными неодушевленными существительными мужского или женского рода. Доля глаголов прошедшего времени, характеризующих действия персонажей, была проверена на случайной выборке контекстов и оценена в 70–80%⁴. Доля глаголов, относящихся к неодушевленному существительному, не так велика и находится на одном уровне как у авторов-женщин, так и у авторов-мужчин. Сопоставление всех глаголов женского и мужского рода у авторов-мужчин и авторов-женщин позволяет прояснить, что у авторов-мужчин примерно в три раза больше глагольных словоформ мужского рода, и следовательно, они почти втрое больше внимания уделяют действиям персонажей мужского пола (Табл. 2). Такая оценка меняет контекст наблюдений: относительно общего числа женских персонажей, героини-мужчины за бытовым трудом у писателей появляются примерно в той же пропорции, что и у писательниц. Если внести корректировку на объем текстового пространства, отведенного персонажам разного пола, можно заключить, что авторы-мужчины и авторы-женщины сходным образом распределяют бытовой труд между персонажами: в обоих случаях большая часть бытового труда достается женским персонажам. Я предлагаю обратиться к инструментам качественного анализа для того, чтобы выяснить, какие особенности литературных репрезентаций бытового труда можно встретить у авторов того и другого пола.

Таблица 2. Доля глаголов бытового труда среди всех глаголов прошедшего времени у авторов-мужчин и авторов-женщин

	Глаголы ж.р.			Глаголы м.р.		
	всего	быт. труд	%	всего	быт. труд	%
Мужчина-автор	784 755	1 431	0,18	2 261 688	1 346	0,06
Женщина-автор	609 675	1 213	0,20	719 658	417	0,06

Говоря об анализе контекстов, хочется заметить, что бытовой труд может являться центральным сюжетом произведения, пусть и не слишком часто. Например, среди рассказов 1920-х — 1930-х автора Р. Акульшина попадаются короткие, но целиком посвященные бытовому труду назидательные тексты: «Арапка», «Помощница»⁵, в которых героиня помогает матери в домашних делах (не обладая нужным опытом, она, впрочем, делает ошибки, например, пересаливает хлеб, а рассказ заключается практической моралью: «Узнала, что тесто солят, когда месят» [Акульшин 1929]). Другим примером может послужить повесть беллетриста Г. Марчика «Наследник фаворитки» (1978), где бытовые заботы даются герою с некоторой даже легкостью, однако критикуются цели протагониста: юноша стремится получить наследство, ухаживая за пожилой тетушкой. Марчик подчеркивает феминность своего героя-авантюриста, потерпевшего неудачу в попытке устроить иную карьеру: «Если хотите знать, я даже люблю хозяйничать... <...> Мне надо было родиться женщиной» [Марчик 1978]. На сюжетном уровне обустройство быта как центральный компонент встречается в детской литературе не слишком часто, однако на уровне мотивов присутствует: «жизнь, суетливая, шумная, текла своим чередом. Димка... вместе с отцом убирал квартиру, бегал в заводскую столовую за обедом, летом играл с ребятами в лапту и бабки, купался» [Винкман, Иванов 1954]; «После обеда Аня мыла посуду, прибирала в своей комнате, ходила на прогулку и садилась за уроки» [Матвеев 1954]. Эти частные, фоновые элементы служат для создания картинки повседневности, персонажи участвуют в создании быта, который является фоном, но редко — центром произведения.

Дж. Кавелти замечает: «Не будет иметь успеха приключенческий сюжет, социальный типаж которого не может быть представлен в героическом свете в контексте данной культуры... <...>. Конечно, можно представить себе, что возникнет культура, кото-

рая будет иначе оценивать и интерпретировать эти профессии, и в этом случае следует ожидать соответствующего изменения приключенческих сюжетных формул» [Кавелти 1996]. Кавелти делает ремарку и о том, что такие примеры существуют в социалистических литературах. Но, несмотря на то, что пролетарии становятся легитимными героями советской литературы, написанной в рамках «социалистического реализма», бытовой труд на сюжетном уровне остается по большей части исключен из поэтики произведений, а его ударникам социалистическое государство не адресуется жестов лаудации. Кавелти обращает внимание на то, что связка «личного опыта» автора и репрезентации персонажа слабеет в формульной литературе. Учитывая, что абсолютные частотности репрезентации у женщин-авторов выглядят более реалистичными, приближенными к жизненному опыту — можно ли считать женскую литературу в этом отношении «менее формульной»?

Сообразаясь с мыслью о том, что увлекательный самостоятельный сюжет о быте — не самое тривиальное явление детской литературы (за исключением, пожалуй, робинзонады), рассмотрим, как тематика произведений может быть связана с изображением бытового труда. Для этой задачи используется инструмент LDA (Латентное размещение Дирихле), который предусмотрен интерфейсом Деткорпуса. Этот алгоритм позволяет сгруппировать фрагменты произведений со схожим лексическим наполнением и на основании этого признака сделать предположение о тематике фрагмента. В рамках лексического списка, уже использованного в работе, осуществляется новый отбор контекстов употребления: на этот раз для двух типов авторства и пола персонажей сформированы случайные выборки из 1000 контекстов. Для списка из 100 обнаруженных тем подсчитан коэффициент вариации, который показывает разницу в выраженности темы у авторов-женщин и авторов-мужчин. В рамках качественного анализа сопоставляются темы самые похожие между собой по частотности — и самые непохожие.

В общих для авторов-мужчин и авторов-женщин темах много абстрактных и/или семантически неоднородных слов, которые мало что могут сообщить о времени и месте действия. Такие темы были исключены из анализа. Например, алгоритм может сгруппировать в одну тему названия частей тела или описания внешности, в то время как меня интересуют темы, имеющие отношение к хронотопам произведений.

При качественном анализе темы «школа» выясняется, например, что искомые глаголы чаще обозначают домашние задачи, лишь

соседствующие со школьной лексикой: «Когда мне было три года, мама убегала на работу раньше папы. А папа будил нас с Ирккой, кормил, одевал и отводил в садик и *школу*» [Кузнецова 2013, 27]⁶; «От дома да *школы* было не меньше трех километров. Я вставала пораньше, готовила завтрак, кормила детей, и мы выходила из дому еще затемно» [Космодемьянская 1950, 34]. Более характерным (но едва ли более частотным) для темы бытового труда можно назвать контекст школьного дежурства: «Аля мыла классную доску шампунем „Жемчуг“, а он вытирал доску насухо обрывком вафельного полотенца» [Коршунов 1975, 36]; «Лиза была дежурной по классу и потому задержалась в школе дольше других. Она подметала пол, поливала цветы, и эта простая работа нравилась ей как никогда» [Воробей 2000, 44]. В репрезентациях женского бытового труда может акцентироваться удовольствие от него:

Вика подмела комнату. На веранде Костя отобрал у нее веник и жестом показал ей на половики. Она сначала вытряхнула скатерть, стоя на крыльце, потом, *очень довольная собой*, спустилась во двор с половиками и принялась их вытряхивать [Достян 1967, 101].

Тетушка мыла посуду, но, несмотря на это малоприятное занятие, находилась *в отличном расположении духа* [Артамонова 2002, 40].

Когда тетка вытирала полотенцем тарелки или стирала Федину рубаху, то с лица ее не сходило выражение *скорби* и, как ни странно, *тихой внутренней радости*. *Ей было приятно, что она мучается* и что мучения эти видны всем, в том числе богу и Феде [Томин 1959, 96].

Репрезентации, которые встречаются во фрагментах с домашним топосом, позволяют отметить интересную деталь — некоторое неудовольствие, с которым бытовым трудом исполняют персонажи-мальчики:

Чарли бродил по дому, перелистывал учебники, помогал бабушке мыть посуду, подметал пол и *очень скучал* [Кальма 1959, 29].

Я мыл на кухне посуду, подметал пол, таскал с базара овощи и говяжью печенку, подавал посетителям борщ и выслушивал от хозяйки попреки в дармоедстве. Мне *шел десятый год*, и мне тоже *хотелось играть* в бабки, бегать с босоногими мальчишками наперегонки и запускать бумажный змей с трещоткой... [Василенко 1941, 1].

А Денис пускай бы мыл *эту дверь противную*. Серёжа забыл, что он сейчас вовсе не моет дверь, он в окно смотрит [Матвеева 1987, 18].

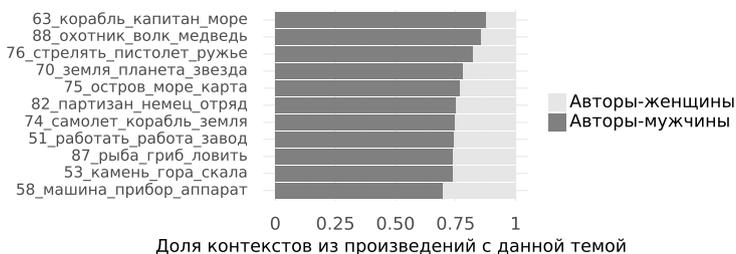

Рис. 2. Темы, в рамках которых наблюдается наибольшее различие в количестве репрезентаций бытового труда у авторов разного пола (трудно интерпретируемые или нерелевантные темы исключены из анализа)

Анализ тем, которые оказываются специфичными для авторов-мужчин или авторов-женщин, предлагает наряду с трудно интерпретируемыми и содержательные наблюдения. Уже сам список этих тем указывает на долю приключенческой и героической топики, а иногда и косвенно помогает определить жанр (например, тема «70_земля_планета_звезда» включает в себя произведения фантастического жанра), на Рис. 2 приведены 11 тем, в которых наиболее заметна разница во встречаемости у авторов разного пола.

Например, в первой теме «63_корабль_капитан_море», которую я интерпретирую как «мореплавание», после ручного отбора контекстов, произведений, написанных женщинами, остается совсем мало — 5 текстов, мужских произведений больше — 34 текста. В том и другом случае изображается труд и женских, и мужских персонажей:

Бхарати повеселела на морском просторе. Варила рис и пекла свежельовленную рыбу на горячей глине небольшого очага, который Федор сложил еще во время одной из стоянок на Инде. Она охотно училась управлять парусами и вскоре уже подменяла Федора, чтобы дать ему соснуть часок-другой [Войсунский 1962, 125].

Это память о моей первой каше. Это было в начале моего первого плавания. Я мыл посуду на камбузе. Наш старший повар зашел ко мне и приказал на завтрак сварить саго. Утром, еще до рассвета, я затопил плиту, насыпал полкастрюли крупы, залил водой и поставил на огонь [Некрасов 1935, 28].

В теме «охота» и мужские, и женские персонажи выполняют бытовые функции: ухаживают за младшими, привечают гостей. Вот несколько примеров для женских персонажей: «В девять лет готовила еду, стирала, убирала землянку и командовала Анисимом как хотела» [Кожевников 1957, 473], «У очага хлопотала Агада. Она варила для охотников вкусный ужин — рыбу с корешками, запасенными еще осенью» [Кунгуров 1948, 67]. Здесь есть и описания мужских: «Хачимас готовил у своей урасы саламат. Никичен и Олешек помогли ему» [Фраерман 1958, 16]; «Как-то само, без обсуждений, решилось, что Дима больше не ходит на промысел. <...> Занялся хозяйством: подметал пол, мыл посуду, рубил дрова, топил печь, а к вечеру готовил ужин» [Рудашевский 2017, 78]. Такие описания зачастую встречаются и в темах «Охота / природа», «Горная местность», «Путешествия», «Приключения» и «Войны». С мужской готовкой ассоциируется тема самостоятельно добытых ингредиентов: «Когда мне очень хотелось есть, я готовил себе грибное ассорти. Очищенные и мелко нарезанные грибы я заворачивал в листья, облеплял сырой глиной и закапывал в яму. Потом я разжигал над ней костер» [Емцев 1964, 141], «Поводила тогда его шука, повозился он с ней, пока в лодку втащил. <...> Утром отец сварил целое ведро ухи — сплошные щучьи куски, топором рубленные. Это он с расчетом на гостей столько сварил» [Старжинский 1989, 111] и др.

Анализ вышеупомянутых фрагментов позволяет выявить характерные детали: во-первых, даже низкостатусный труд может изменять свой статус, если он осуществляется в романтической удаленности от цивилизации. Приключенческие сюжеты о путешествиях, обустройство быта среди дикой природы — элементы робинзонады, становятся в нестрогом смысле формулами, которые позволяют авторам вписать мотивы, связанные с бытовым трудом в произведение, и не утратить читательского интереса даже при обилии бытовых подробностей. Вторым же аспектом становится гомосоциальность⁷, присущая таким хронотопам: в рамках этих тематик женские персонажи появляются далеко не всегда. Впрочем, и нужды в этом, кажется, нет — помещенная в канву приключенческого повествования, скучная рутинная сама собой становится чем-то захватывающим и «возвышенным»⁸.

У мужчин-авторов бытовой труд вписан в широкий тематический спектр, который можно охарактеризовать как близкий к формулам приключенческой беллетристики. Для писателей старшего поколения за такими сюжетами может стоять личный опыт муж-

ских гомосоциальных сообществ: военных, экспедиционных, походных. На писателей более позднего периода, в т. ч. постсоветских, может влиять уже сложившаяся традиция: для героя массовых жанров опыт социальной жизни является второстепенным, а опыт вообразимого мира не сопоставляется с читательским. Не в строгом формульном воплощении⁹, но на уровне мотивов типовые приключенческие хронотопы входят в литературный сюжет. Персонажи авторов-мужчин чаще обнаруживаются в разнообразных внедомашних пространствах, их «отлучка из дома» (заменой которой может служить и отсутствие дома) ложится в основу приключенческих сюжетов и мотивов. В результате такой отлучки бытовой труд в разомкнутом мире становится частью авантюры, а соответственно и приобретает черты романтической привлекательности. Для женских текстов автоматическим образом оказывается трудно определить специфические места действия. Можно предположить, что женщины-авторы вписывают бытовой труд в более «реалистические» контексты, лишённые формульной экзотизации и приближенные к повседневному опыту. Или же, за отдельными исключениями, касающимися поздних образцов строгого формульного письма, используют для его описания усложненный, менее клишированный язык, который делает формулировку темы более абстрактной и сложной для интерпретации.

Богатая литературная традиция символического включения мужчин в бытовой труд обнаруживает себя при выходе предмета повествования из границ приватного. Навязчивая дефинитивная дихотомия называет любой труд в пределах дома — женским, а любое обустройство быта в расширенном мире — не домашним. Такая дихотомия растворяется разнообразием романтических формул о приключениях, путешествиях и преодолении невзгод. Впрочем, и сама бинарная гендерная категоризация из которой мы исходим, как и концепция «разделенных сфер» (которая оказалась упрощенной и неисторичной, хоть и нравилась в свое время феминистским исследовательницам [Vickery 1993, 406]), предлагая, с одной стороны, оптику для исследования исторического развития гендерных реперезентаций, одновременно ограничивает обзор.

Сдвиг от феминности к андрогинности и от семьи — к коллективу, который существовал на дискурсивном уровне, мотивы сиротства и отлучки, обеспечивающие детскую агентность (как в более поздней литературе ее обеспечивает семейная дисфункциональность), организуют новые заботящиеся коллективы, самым хрестоматийный из которых — тимуровская команда. Литературные

образы советской эпохи возможно анализировать из позиции их андрогинной идеологемы, а не из современного мавзолея гендерных ролей — чуждой и устаревшей перспективы. Наряду с женской маскулинностью, не раз подчеркнутой в исследованиях раннесоветской детской литературы, среди особенностей и некоторые «фемининные» черты мужских персонажей, притом эти черты не маргинализируются в рамках определенной топики. Изображение персонажей в широком спектре автономных романтических ситуаций позволяет обустроить быт с меньшей принудительностью его гендерирования, как «дом» вдалеке от дома.

Примечания

- ¹ Работа поддержана грантом РФФИ 19-013-00381-ОГН.
- ² Поиск в корпусе осуществлялся при помощи веб-интерфейса, доступного по адресу <http://detcorpus.ru>. Использовалась версия корпуса, актуальная для сентября 2021 г.
- ³ В сборнике «Юность, иди!», адресованном скорее юношам, чем девушкам, находится пример такой риторики. Во фрагменте статьи 1923 г. о рационализации домашнего хозяйства (Струмилин «Эконом. Жизнь», № 104) высчитывается женская бытовая нагрузка в часах и трудоднях, отмечается, что: «домашний труд в России доньше на практике ни во что не ценится». В конце исследования автор делает политико-экономический вывод: «только по двум статьям домашнего бюджета — на приготовление пищи и на уход за детьми возможна экономия по всей стране в размере до 114 мил. часов в сутки... что позволило бы сократить непомерно длинный рабочий день каждой женщины-работницы и домашней хозяйки минимум на 3 часа в сутки» [Цит. по: Гастев 1923, 49–50].
- ⁴ Средние значения для каждой из пяти сотен произведений, где производилась ручная кодировка: для мужчин-авторов среднее значение доли персонажных глаголов в тексте равно 80,1 (стандартное отклонение 2,97), для женщин — 72,9 (стандартное отклонение выше (оценка менее точна) из-за меньшего количества произведений за женским авторством — 6,16).
- ⁵ Этот текст демонстрирует заодно и ограничение метода: здесь не «пекут хлеб», а «ставят хлеба». Такое словупотребление в целом не частотно для корпуса, в котором на момент написания статьи всего около сотни текстов 1920-х гг., а потому контекст ускользает от формализации.
- ⁶ Здесь и далее при цитировании указывается не страница, а номер фрагмента в Деткорпусе.
- ⁷ В формулировке М. Балиной — «феномен мужского братства, пришедшего в советскую литературу в качестве заменителя женской любви» [Балина 2008].

⁸ Сложнее рассмотреть темы, более характерные для женских произведений, с одной стороны, их совсем немного, с другой – они могут с трудом поддаваться интерпретации, например: «67_сказать_мочь_знать» и «25_сказать_знать_мочь». Такие темы часто встречаются среди списка общих по частотности тематик для мужских и женских персонажей разных авторов и были исключены из анализа. Но с учетом того, как редко специфически-женские темы, кажется все же нужным обозначить их. Сочетание темы «67» с лексикой обозначающей домашний труд, судя по всему, является чертой идиостиля лишь одной писательницы — Н. Кузнецовой, работающей в жанре детского детектива. О текстах, относящихся к теме «25» можно сделать аналогичный вывод, здесь уверенно лидируют произведения Е. Вильмонт, тоже пишущей детективы. Обоих писательниц объединяет высокая продуктивность в рамках формульного жанра, поэтому их произведения хорошо представлены в корпусе. На основании несбалансированных данных можно лишь выдвинуть предположение о том, что в идиостиле двух популярных писательниц, несмотря на отсутствие устойчивых хронотопов, наблюдается клишированность языка, описывающего бытовой труд. В несбалансированном корпусе способны сильнее проявляться темы из текстов авторов, чьих произведений больше в корпусе (как это и происходит с текстами Н. Кузнецовой и Е. Вильмонт). А простая логика «мешка слов», с которой алгоритм подходит к тексту, не похожа на человеческое восприятие произведения — для множества тем читателю-человеку не понятна связь, которую устанавливает алгоритм [Towne, Rosé, Herbsleb 2016].

⁹ Формульная литература, какой читатель знает ее сегодня, для советского периода могла быть идеологически и эстетически неприемлемой и начала развиваться лишь позднесоветское время, а кристаллизироваться, — в постсоветскую эпоху: любовный роман [Балина 2008; Алейник, Сергиенко 2020], детектив [Маслинская 2017; Maslinskaya, Maslinsky 2020], фэнтези и «ужастик» [Sergienko 2016]; мелодраматические и страшные сюжеты оказывались в распоряжении скорее фольклорной традиции, чем литературной. Одновременно формировались оригинальные формульные жанры советской литературы: пионерская повесть, производственный роман и проч.

Литература

Источники

Артамонова 2002 — Артамонова Е. В. Большая книга ужасов-22. Ведьмины качели. Ключ от царства мрака. М.: Эксмо, 2010.

Василенко 1941 — Василенко И. Д. Волшебная шкатулка. М.; Л.: Детиздат, 1941.

- Винкман 1954* — Винкман М. К., Иванов Е. Ф. Это было в горах. Новосибирск: Кн. Изд-во, 1954.
- Войскунский 1962* — Войскунский Е. Л. Экипаж «Меконга». Книга о новейших фантастич. открытиях и старинных происшествиях, о гайнах вещества и о многих приключениях на суше и на море. М.: Детгиз, 1962.
- Воробей 2000* — Воробей В., Воробей М. Бегущий в Ночи. М.: Росмэн, 2000.
- Гастев 1923* — Гастев А. Юность, иди! М.: ВЦСПС, 1923.
- Кальма 1959* — Кальма Н. Черная Салли. М.: Детгиз, 1959.
- Кожевников 1957* — Кожевников, В. М. Заре навстречу. М.: Детгиз, 1958.
- Космодемьянская 1950* — Космодемьянская Л. Т. Повесть о Зое и Шуре. М.; Л.: Детгиз, 1950.
- Кузнецова 2013* — Кузнецова Ю. Н. Где папа? М.: ИД Мещерякова, 2013.
- Кунгуров 1948* — Кунгуров Г. Ф. Артамошка Лузин. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1948.
- Матвеев 1954* — Матвеев Г. И. Семнадцатилетние. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962.
- Матвеева 1987* — Матвеева Л. Г. Продленка. М.: Дет. лит., 1987.
- Некрасов 1935* — Некрасов А. С. Морские сапоги. Рассказы. М.: [Б. и.], 2012.
- Рудашевский 2017* — Рудашевский Е. В. Ворон. М.: КомпасГид, 2017.
- Старжинский 1989* — Старжинский П. И. Такое взрослое детство. Повесть. М.: Дет. Лит., 1989.
- Томин 1959* — Томин Ю. Г. «Повесть об Атлантиде» и рассказы. Л.: Дет. лит. [Ленингр. Отд-ние], 1971.
- Фраерман 1958* — Фраерман Р. И. Избранное. М.: Советский писатель, 1958.

Исследования

- Алейник, Сергиенко 2020* — Алейник Л., Сергиенко И. «Романы для девочек» — читать или не читать? // Школьная библиотека: сегодня и вчера. 2020. № 12. С. 4–11.
- Балина 2008* — Балина М. Воспитание чувств à la soviétique: повести о первой любви // Неприкосновенный запас. 2008. Т. 2. С. 154–165.
- Барсукова 1999* — Барсукова С. Приватное и публичное: диалектика диспозиции // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 1–10.

Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2019 — Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства / под ред. Е. Бороздиной, Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 6–23.

Кавелти 1996 — Кавелти Д. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. Т. 22. С. 33–64.

Маслинская 2017 — Маслинская С. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 172–186.

Маслинский, Лекаревич, Алейник 2021 — Маслинский К., Лекаревич Е., Алейник Л. Корпус русской прозы для детей и юношества // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору, 2021. Версия V1. DOI: 10.31860/openlit-2021.4-C001.

Репина 2000 — Репина Л. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественный науки и современность. 2000. № 4. С. 123–127.

Adukia et al. 2021 — Adukia A., Eble A., Harrison E., Runesha H. B., Szasz T. What We Teach About Race and Gender: Representation in images and text of children's books // EdWorkingPaper. 2021. Pp. 21–462. DOI: 10.26300/ska1-an37.

Casey, Novick, Lourenco 2020 — Casey K., Novick K., Lourenco S. F. Sixty Years of Gender Representation in Children's Books: Conditions Associated with Overrepresentation of Male versus Female Protagonists // Preprint. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/uqrs5.

Crabb, Bielawski 1994 — Crabb P. B., Bielawski D. The Social Representation of Material Culture and Gender in Childrens Books // Sex Roles. 1994, 1–2. Pp. 69–79.

Diekman, Murnen 2004 — Diekman A. B., Murnen S. K. Learning to be little women and little men: The inequitable gender equality of nonsexist children's literature // Sex roles. 2004. V. 50. №. 5–6. Pp. 373–385.

Maslinskaya, Maslinsky 2020 — Maslinskaya S., Maslinsky K. Nat Pinkerton: A Missing Genre in Russian Children's Literature // Bookbird: A Journal of International Children s Literature. № 2(58). Pp. 25–33. DOI: 10.1353/bkb.2020.0030.

Rotman 2006 — Rotman D. L. Separate Spheres? Beyond the Dichotomies of Domesticity // Current Anthropology. 2006. Vol. 47. № 4. Pp. 666–674. DOI: 10.1086/506286.

Sergienko 2016 — Sergienko I. “Horror” Genres in Modern Russian Children’s Literature // *Russian Studies in Literature*. 2016. Vol. 52. № 2. Pp. 171—189. DOI: 10.1080/10611975.2016.1243381.

Towne, Rosé, Herbsleb 2016 — Towne W. B., Rosé C. P., Herbsleb J. D. Measuring similarity similarly: LDA and human perception // *ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology (TIST)*. 2016. № 8.1. Pp. 1–28.

Tripp 2020 — Tripp R. “Insufficient Degrees of Representation”: Examining Racial Diversity and Book Prizes in UK Children’s Publishing // *The Lion and the Unicorn*. Vol. 44. № 2. Pp. 136–152.

Underwood, Bamman 2016 — Underwood T., Bamman D. The Gender Balance of Fiction, 1800–2007 [website]. 2016. URL: <https://tedunderwood.com/2016/12/28/the-gender-balance-of-fiction-1800-2007/>.

Underwood 2019 — Underwood T. *Metamorphoses of Gender* // *Distant horizons: digital evidence and literary change*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2019. Pp. 111–143.

Vickery, Rodríguez 2020 — Vickery A. E., Rodríguez N. N. “A Woman Question and a Race Problem”: Attending to Intersectionality in Children’s Literature // *The Social Studies*. 2020. Vol. 112. № 2. DOI: 10.1080/00377996.2020.1809979.

Vickery 1993 — Vickery A. Golden Age to Separate Spheres? A Review of The Categories and Chronology of English Women’s History // *The Historical Journal*. 1993. Vol. 36. № 2. Pp. 383–414.

Whittle 2019 — Whittle J. A Critique of Approaches to “Domestic Work”: Women, Work and the Pre-Industrial Economy // *Past & Present*. 2019. № 243 (1). Pp. 35–70.

References

Adukia et al. 2021 — Adukia, A., Eble, A., Harrison, E., Runesha, H. B., Szasz, T. (2021). What We Teach About Race and Gender: Representation in Images and Text of Children’s Books. EdWorkingPaper (pp. 21–462). Retrieved from Annenberg Institute at Brown University: DOI: 10.26300/ska1-an37.

Aleynik, Sergienko 2020 — Aleynik, L., Sergienko, I. (2020). “Romany dlya devochek” — chitat’ ili ne chitat’? [Romance for Girls — to read or not to read?] *Shkol’naya biblioteka: segodnya i vchera*, 12, 4–11.

Balina 2008 — Balina, M. (2008) *Vospitanie chuvstv à la soviétique: povesti o pervoy lyubvi* [Sentimental Education à la soviétique: stories about first love]. *Neprikosnovenny zapas*, 2, 154–165.

Barsukova 1999 — Barsukova, S. (1999). *Privatnoe i publichnoe: dialektika dispozitsii* [Private and Public: Dialectic of Disposition]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, 1–10.

Borozdina, Zdravomyslova, Temkina 2019 — Borozdina, E., Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2019). Zabota v postsovetском prostranstve mezhdu paternalizmom i neoliberalizmom: feministskie issledovaniya [Care in the Post-Soviet Space between Paternalism and Neoliberalism: Feminist Studies]. In E. Borozdina, E. Zdravomyslova, A. Temkina (Eds.) *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty: perekrestki sotsial'nogo neravenstva* [The Critical Sociology of Care: the Crossroads of Social Inequality] (pp. 6–23). St Petersburg: EUSP Publ.

Casey, Novick, Lourenco 2020 — Casey, K., Novick, K., Lourenco, S. F. (2020). Sixty Years of Gender Representation in Children's Books: Conditions Associated with Overrepresentation of Male versus Female Protagonists. Preprint. DOI: 10.31234/osf.io/uqrs5.

Crabb, Bielawski 1994 — Crabb, P. B., Bielawski, D. (1994). The Social Representation of Material Culture and Gender in Children's Books. *Sex Roles*, 1–2, 69–79.

Diekman, Murnen 2004 — Diekman, A. B., Murnen, S. K. (2004). Learning to be little women and little men: The inequitable gender equality of nonsexist children's literature. *Sex roles*, 5–6 (50), 373–385.

Kavelti 1996 — Kavelti, D. G. (1996). Izuchenie literaturnykh formul [Study of Literary Formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 22, 33–64.

Maslinskaya 2017 — Maslinskaya, S. (2017). Neutomimyy bores so skazkoj (kritika detskoj literatury v trudakh N. Krupskoy) [A Tireless Fight with a Fairy Tale (Criticism of Children's Literature in the Works of N. Krupskaya)]. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal*, 1, 172–186.

Maslinskaya, Maslinsky 2020 — Maslinskaya, S., Maslinsky, K. (2020). Nat Pinkerton: A Missing Genre in Russian Children's Literature. *Bookbird: A Journal of International Children's Literature*, 58(2), 25–33. DOI: 10.1353/bkb.2020.0030.

Maslinsky, Lekarevich, Aleynik 2021 — Maslinsky, K., Lekarevich, E., Aleynik, L. (2021). Korpus russkoj prozy dlya detey i yunoshstva [Corpus of Russian prose for children and youth] *Repozitoriy otkrytykh dannykh po russkoj literaturе i fol'kloru*, 2021. Version V1. DOI: 10.31860/openlit-2021.4-C001.

Repina 2000 — Repina, L. (2000). Pol, vlast' i kontseptsiya "razdelennykh sfer": ot istorii zhenshchin k gendernoy istorii [Gender, Power and the Concept of "Divided Realms": From Women's History to Gender History]. *Obshchestvennyy nauki i sovremennost'*, 4, 123–127.

Rotman 2006 — Rotman, D. L. (2006). Separate Spheres? Beyond the Dichotomies of Domesticity. *Current Anthropology*, 47(4), 666–674. DOI: 10.1086/506286.

Sergienko 2016 — Sergienko I. (2016) "Horror" Genres in Modern Russian Children's Literature. *Russian Studies in Literature*. 52(2), 171–189. Retrieved from: DOI: 10.1080/10611975.2016.1243381.

- Towne, Rosé, Herbsleb 2016* — Towne, W. B., Rosé, C. P., Herbsleb, J. D. (2016). Measuring similarity similarly: LDA and human perception. *ACM Transactions on Intelligent Systems and Technology (TIST)*, 8(1), 1–28.
- Tripp 2020* — Tripp, R. (2020). “Insufficient Degrees of Representation”: Examining Racial Diversity and Book Prizes in UK Children’s Publishing. *The Lion and the Unicorn*, 44(2), 136–152.
- Underwood, Bamman 2016* — Underwood, T., Bamman, D. (2016). The Gender Balance of Fiction, 1800–2007. <https://tedunderwood.com/2016/12/28/the-gender-balance-of-fiction-1800-2007/>.
- Underwood 2019* — Underwood, T. (2019). Metamorphoses of Gender. In T. Underwood, *Distant horizons: digital evidence and literary change* (pp. 111–143). Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Vickery, Rodríguez 2020* — Vickery, A. E., Rodríguez, N. N. (2020). “A Woman Question and a Race Problem”: Attending to Intersectionality in Children’s Literature. *The Social Studies*, 112(2). DOI: 10.1080/00377996.2020.1809979.
- Vickery 1993* — Vickery, A. (1993). Golden Age to Separate Spheres? A Review of The Categories and Chronology of English Women’s History. *The Historical Journal*, 36(2), 383–414.
- Whittle 2019* — Whittle, J. (2019). A Critique of Approaches to ‘Domestic Work’: Women, Work and the Pre-Industrial Economy. *Past & Present*, 243(1), 35–70.

Yauheniya Lekarevich

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-5773-158X

HOUSEHOLD WORK OF LITERARY CHARACTERS

The article examines the representation of domestic work of female and male characters in children's literature of the 20th–21st centuries. The research is based on the Corpus of Russian Prose for Children and Youth (DetCorpus). In Soviet and post-Soviet children's literature, male characters are overrepresented by male authors, the same tendency is present in literature for adults. In contrast, female authors are characterized by a more egalitarian distribution of characters. The analysis of the verbs denoting household work and used in the past tense shows that female characters are more often depicted by certain types of household work by authors of both sexes. Thus, women writers are more likely to portray women doing household work since they portray more women in general. Children's literature can trace a rich tradition of the symbolic inclusion of male characters in domestic work. The article describes a circle of romantic and adventure topoi, which depict men and boys engaged in the arrangement of everyday life.

Keywords: gender, domestic work, byt, realism, adventure literature, corpus research, quantitative analysis